

ГЕОРГИЙ КОЛТАШОВ: «ДЕЙСТВУЮЩИЙ ЗАКОН О БАНКРОТСТВЕ СПОСОБЕН УСУГУБИТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС»

Новости, Правовые вопросы 09.09.2020

Российский бизнес переживает тяжелые времена. И не только из-за падения спроса, пандемии, недостатка господдержки, высокого налогового бремени или труднодоступных кредитов. Компании и предприниматели, оказавшиеся в сложной финансовой ситуации, почти не имеют шанса выйти из кризиса. В чем слабость российского законодательства о банкротстве? Нужны ли в России банкротные суды? Есть ли будущее у законопроекта о реструктуризации? Почему суды в англосаксонской системе права защищают не только кредиторов и чем судебник Ивана III может помочь в совершенствовании российского банкротного законодательства? Своим видением реабилитационных процедур в России с ДОЛГ.РФ поделился Георгий Колташов, апологет долгового права, эксперт и практик в сфере реструктуризации проблемных активов.

— Георгий Вячеславович, Вас можно назвать своеобразным «хранителем истории» института банкротства в России, почему и как Вы стали заниматься этой проблематикой?

— Мое первое дело о банкротстве было в 1996 году. Я работал юристом на московском ЗАО «Янтарь» и тогда впервые столкнулся с попыткой захвата управления в компании со стороны кредиторов. Тогда действовал старый закон о банкротстве 1992 года, и нам удалось вывести предприятие из кризиса через процедуру внешнего управления и истребовать долги у завода «Рубин» (он был основным потребителем выпускаемых «Янтарем» корпусов для телевизоров и акустических систем). За счет погашенных долгов мы расплатились с кредиторами, а в ходе внешнего управления зарегистрировали собственность предприятия. По итогам процедуры была восстановлена платежеспособность предприятия.

С тех пор меня очень заинтересовала тема банкротства, я даже посвятил ей дипломную работу. Во время работы над ней на меня произвела впечатление статья 55

«Судебника Ивана III». Согласно ему, купец, чей товар потонул, или которого ограбили, обязан платить кредитору «истину, без процентов и росту». Эта фраза так «зацепила» меня, теперь я на протяжении 20 лет занимаюсь поисками истины на практике.

— **Получается, Вы посвятили банкротству больше 20 лет?**

— Да, 24 года. В 1998-1999 году меня пригласили в Российский фонд правовых реформ координировать разработку поправок законопроекта о банкротстве. Речь идет о так называемом «втором законе о банкротстве 6-ФЗ 1998 года». Мы с коллегами из РФПР подготовили в него много поправок. Тогда их не приняли — слишком революционными они, видимо, показались законодателям. Но впоследствии большая часть из них была использована при подготовке «третьего» закона (№ 127-ФЗ, — прим. ред.), который появился в 2002 году.

Уже тогда мы хотели ввести в закон возможность применения реабилитационных процедур, которые проходили бы под контролем должника, а не только кредиторов. Не все идеи удалось воплотить, но в начале XXI века закон № 127-ФЗ считался чуть ли не одним из самых прогрессивных в мире. Англичане и американцы позаимствовали у нас идею о том, что требования налоговых органов не следует считать приоритетными над требованиями остальных кредиторов. Также сам институт субсидиарной ответственности заработал после принятия третьего закона. Некоторые идеи, появившиеся в этом законе, были отражены в рекомендациях Евросоюза (проект TACIS) и Всемирного Банка.

— **Почему при таких прогрессивных достижениях в России до сих пор нет примеров качественно проведенных реабилитационных процедур? Да и кредиторы, по статистике, получают только 4,6 % от своего долга.**

— Перекос в сторону интересов кредиторов, это, по сути, «родовая травма» действующего закона. Отчасти причина в том, что он являлся новой редакцией 6-ФЗ, который был прокредиторским. Мало того, последовавшие правки в закон только усугубили положение должника, его учредителей и даже его контрагентов. Сейчас мы имеем закон, который не предупреждает, а способствует эффекту «домино» и

нарастанию кризисных явлений в экономике. На мой взгляд, эту проблему необходимо срочно решать.

Первая и основная причина проблемы — отсутствие у должника легального и эффективного способа защитить работающий бизнес, так называемый «сram down» не предусмотрен действующим законом.

Вторая причина — это мораторий на требования всех кредиторов, не выборочный, а именно полный дефолт должника по всем обязательствам. Когда проектировалась ст. 4 закона № 127-ФЗ, предлагался принцип, по которому к текущим платежам судом должны относиться платежи, без проведения которых дебитор не может функционировать дальше (расчеты с поставщиками, коммунальные платежи и т.д.), а также платежи, которые могут вызвать «cross default», или, как это иначе можно назвать, платежи, которые могут вызвать «эффект домино».

Третья проблема — это зачастую формальное применение норм о субсидиарной ответственности и оспаривании сделок должника. Арбитражные управляющие и суды зачастую не разбираются в обоснованности и возможных экономических последствиях оспаривания сделок должника и привлечения его к субсидиарной ответственности.

Также у нас имеются проблемы с резервированием в банковском секторе в случае банкротства заемщика. Представляется, что необходимо снизить нормы резервирования по крайней мере для реабилитационных процедур.

— Известна инициатива о внедрении банкротных судов. Они могли бы решить эту проблему?

— У нас континентальная правовая система. Наши судьи должны больше основываться на нормах права, нежели на своем понимании справедливости и целесообразности. Потому создание отдельных банкротных судов вряд ли изменит ситуацию, необходимо менять правовое регулирование и вкладываться в обучение судей. В англосаксонской системе права иной подход: суд должен определить, какое решение будет лучшим для должника, кредиторов, экономики. И такое решение он и принимает.

Да, у него очень большое усмотрение, нежели у нашего судьи. При этом законодательно зафиксирована презумпция, что работающий бизнес стоит больше,

чем имущество, и должник может доказать, что в случае реабилитационной процедуры кредиторы получают большее удовлетворение, нежели в результате ликвидационной. В итоге у функционирующего бизнеса списываются и реструктуризируются долги, кредиторы, разделенные на классы, получают большее удовлетворение своих требований, а в экономике сохраняются рабочие места и прибавочная стоимость.

В законе нет конкретных описаний, потому модель «на усмотрение суда» и работает, но я бы не сказал, что без злоупотреблений. Например, дело Энрона. Кредиторы в США получали до 70% возмещения, тогда как аналогичный кредитор мексиканской «дочки» получал менее 30% удовлетворения своих требований.

— Георгий Вячеславович, Вы знаете о том, что в России была принята «дорожная карта», утвержденная распоряжением Правительства РФ № 1385-р от 24 июля 2014 года, направленная на совершенствование процедуры банкротства. Почему эффективность процедур банкротства продолжает снижаться?

— Насколько мне известно, упомянутая «дорожная карта» так и не реализована. Сейчас идет разработка новой процедуры реструктуризации долгов по поручению президента РФ. Она предусматривает отмену процедур наблюдения, внешнего управления и финансового оздоровления, замена их единой реабилитационной процедурой реструктуризации долгов. Мне представляется, что разрабатываемые поправки вряд ли решат обозначенные мною проблемы, мало того, ряд положений законопроекта вызывает сомнения в их своевременности и реализуемости. Нормы о СРО, об отборе арбитражных управляющих для утверждения вызывают большую озабоченность и способны уничтожить институт саморегулирования арбитражных управляющих.

— В «дорожной карте» предусматривался рост международного показателя Doing Business, который показывает, насколько комфортно вести предпринимательскую деятельность в стране. Что он означает? Удалось ли его взрастить?

— Именно во многом «благодаря» Doing Business наше законодательство имеет сильную прокредиторскую направленность. По идее, этот показатель помогает инвесторам понять, стоит ли сотрудничать с тем или иным государством и смогут ли

они вернуть деньги, если вести бизнес в стране не удастся. На мой взгляд, рейтинг Doing Business в части банкротства устарел. Более того, сейчас он навязывает всем другим странам американскую модель банкротства, не оценивая изнутри собственные государственные системы и их эффективность.

— В профессиональном сообществе обсуждается инициатива внедрения процедуры санации. Ее предлагается сделать внесудебной, и она в первую очередь будет обеспечивать защиту должнику. Санация позволит должнику принять меры, чтобы избежать банкротства. Как Вы относитесь к этой инициативе?

— Я изначально был против внесудебных процедур. Достаточно обратиться к 35 статье Конституции РФ, в которой прописано, что право собственности может быть ограничено только судом на основании закона. В данном случае затрагиваются права широкого круга лиц: акционеров, кредиторов. Внесудебные ограничения, на мой взгляд, весьма спорны. Рассматривая закон о внесудебном банкротстве граждан, я вижу, что законодатель допустил лишение собственности без судебного акта. Это некий тренд, потому логично, что стоит подумать про внесудебную процедуру и для бизнеса. Возможно, такую процедуру стоит проводить по аналогии с медиацией и заверением мирового соглашения (соглашения о санации) у нотариуса или арбитражного управляющего.

— Что Вы думаете о профессиональных санаторах и антикризисных компаниях?

— Антикризисные компании уже существуют на рынке. Я сейчас тружусь в компании «РТ-Капитал», она фактически представляет собой антикризисную компанию. По моим оценкам, мы — единственная антикризисная компания, наработавшая большой опыт в сфере реструктуризации и финансового оздоровления проблемных промышленных активов.

Надо сказать, что аналоги антикризисных компаний есть у банков, но, как правило, их функции отличаются от РТ-Капитала. Банковские антикризисные компании не инвестируют средства в бизнес для восстановления его платежеспособности, а скорее помогают решить проблемы с нормами банковского резервирования по проблемным кредитам.

Сейчас также ряд так называемых проектных офисов перешли от работы по заказу к инвестированию в проблемные активы с целью их последующего развития, управления и продажи. Они больше занимаются финансовыми вопросами и непосредственно антикризисным управлением, а не обслуживанием интереса заинтересованных в приобретении бизнеса лиц. Такие компании, по сути, тоже могут называться антикризисными.

Если говорить о профессиональных санаторах, то, пожалуй, только ГК «Ростех» имеет соответствующую компетенцию и экспертизу в этой сфере. Достаточно вспомнить реструктуризацию АвтоВАЗа и «Калашникова», мировое соглашение по «Молнии», а также антикризисную программу «Мотовилихинских заводов». В целом корпорации совместно с партнерами удалось санировать более 200 предприятий.

— **А как Вы оцениваете идею создания Центра санации бизнеса?**

— Эта инициатива неоднократно обсуждалась в Совете Федерации РФ. Я знаю, что схожие центры или фонды есть в Австрии, Швеции, иных европейских юрисдикциях. Но, на сколько я знаю, они работают либо на региональном, либо на муниципальном уровне. Попытка создания такого фонда- корпорации была предпринята в Японии, но впоследствии этот актив был передан на уровень региона.

— **На Ваш взгляд, Центр санации бизнеса должен быть коммерческим или создан в виде государственной корпорации?**

— Если Центр санации бизнеса будет государственной корпорацией, то он будет работать на федеральном уровне. Если же его внедрить на региональном уровне, то это, скорее, будет некий фонд или ГБУ. В России сильная вертикаль власти, и, на мой взгляд, пока «сверху ничего не скажут», никакая идея самостоятельно реализовываться не будет.

На региональном уровне, пожалуй, было бы неплохо создать фонды, которые бы консолидировали требования по обязательствам перед субъектами федерации и муниципальными образованияами по аналогии с ФНС России. Возможными источниками наполнения таких фондов могли бы стать как средства, поступающие от должников в уплату задолженности перед субъектами федерации и муниципалитетами, так и проблемные активы региональной и муниципальной казны.

Средства этих фондов в дальнейшем могли бы использоваться для санации предприятий малого и среднего бизнеса.

— Какова роль арбитражных управляющих в будущем, в том числе в процедуре санации?

— Арбитражные управляющие — это профессионалы, которые помогают осуществлять правосудие и устанавливать ту самую «истину», которую может отдать добросовестный должник. Потому я думаю, что они останутся востребованными. Возможно, надо несколько изменить их статус по аналогии со статусом адвокатов или нотариусов.

— ФНС РФ считает, что нужно привести арбитражных управляющих к некой «формуле» и внедряет рейтинговую систему их оценки? Нет ли в этом несправедливости?

— Я одобряю рейтинговую систему хотя бы потому, что она позволит определить лучших антикризисных специалистов. Однако, по моему мнению, в системе оценки должны быть как объективные, так и субъективные критерии. К объективным можно отнести процент погашения требований кредиторов, сохранение функционирования бизнеса, сохранение рабочих мест, уплата налогов и другие критерии. Субъективные критерии — это уже оценка арбитражного управляющего кредиторами, должниками, судом, профессиональным сообществом в целом.

Настоящего профессионала могут оценивать только профессионалы, поэтому, на мой взгляд, ведение рейтинга — дело национального объединения. Такой рейтинг арбитражных управляющих помог бы цели финансового оздоровления компаний.

ДОЛГ.РФ